

Николай Семенович Щукин

Поездка в Якутск

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Щ95

Щ95 **Щукин Н.**
Поездка в Якутск / Николай Семенович Щукин – М.: Книга по Требованию, 2023. –
233 с.

ISBN 978-5-521-39017-5

ISBN 978-5-521-39017-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Письмо I.

Иркутскъ, 7-го Мая 1830 года.

Я помню, любезный другъ, чпо свѣдѣнія твои о Сибири не простирались далѣе Иркутска, о кошоромъ, къ сожалѣнію, имѣлъ ты самое неправильное, приспращное понятіе, равно какъ и о всемъ нашемъ Сибирскомъ Царствѣ. Къ Сѣверу ты полагалъ, вмѣстѣ съ покойнымъ Иродошомъ, жилища Гипербореевъ, степи, вѣчныя льды, и если допускалъ въ нѣкошорыхъ мѣстахъ присущствіе челоѣка общественнаго, то уже съ крайнимъ нехощѣніемъ, съ жалкою миною произносилъ его имя, и въ то же время направлялъ мысль свою въ цѣлѣющую Италію, для освѣженія оной памошнимъ воздухомъ. Я былъ во многомъ согласенъ съ тобою, грустилъ о жалкой участи *Сѣвернаго челоѣчества*, и ни за что не хощѣлъ

быть гражданиномъ Гиперборейскаго общества. Но вышло такъ, что болѣе полугода я дышалъ воздухомъ на берегахъ Лены подъ 62 градусомъ Сѣверной широты, при 40-градусныхъ морозахъ и при 28-градусныхъ жарахъ. Въ продолженіи семи мѣсяцевъ вокругъ меня раздавались звуки Якутскаго языка, глазъ встрѣчалъ Азіатскія формы лица человѣческаго, а ощущеніе спрдало опъ непріятной смѣси Европейскаго съ Азіатскимъ. Четыре раза я проѣхалъ по Ленѣ водою и по льду, и хочу съ тобою, мой другъ, подѣлиться свѣдѣніями, хочу познакомить тебя съ Сѣверомъ нашей Восточной Сибири. Я прошу тебя прокашиться со мною по быспрой, длинной и широкой Ленѣ, посмотришь на ея по прозаическіе и дикіе, по спихопворные и живописные берега, поѣдешь со мною по Якутскимъ Улусамъ, заглянешь въ береспенную юршу Тунгуса, проѣхашься на оленѣ по горамъ и болопамъ, пропашься лѣшомъ на саняхъ, везомыхъ быкомъ по улицамъ Якутска, и съ благоговѣйнымъ вниманіемъ посмотришь на великолѣпное явленіе Сѣвернаго неба, когда оно горитъ различными огнями, въ продолженіи длинныхъ зимнихъ ночей. Справа, съ копо-

рою намѣренъ шебя познакомипъ, не славип-
ся просвѣщеніемъ, населенностію или плодо-
родіемъ; нѣтъ, она знаменита только собо-
лями, лисицами, пѣсцами и бѣлкою, и нѣко-
торыми Историческими событіями, имѣвши-
ми вліяніе на всю Иркутскую губернію, на
сообщенія наши съ Китаемъ, Камчаткою и
Америкою. Страна, орошаемая рѣкою Леною,
пустыя и необработана, сообщенія устроены
по рѣкамъ, какъ вообще бываетъ въ стра-
нахъ новооткрытыхъ, вся населенность огра-
ничивается длинною полосою по Ленѣ, по
обѣимъ сторонамъ которой, бродятъ Тунгусы
со стадами своихъ оленей. Эта ужасная пу-
стыня между Леною и Восточнымъ Океаномъ,
которую можно бы назвать Тунгусією, есть
обиталище пушныхъ звѣрей, коими поддержи-
вается наша торговля съ Китаемъ и Турцією;
здѣсь водятся соболи, лисицы, бѣлка и ка-
барга, извѣстная по своему мускусу (Спрутъ).
Здѣсь Сибирскій кедръ, наполняя лѣса, служитъ
пищею бѣлкѣ и въ то же время составляетъ
лакомство Сибиряка, при совершенномъ не-
достаткѣ плодоносныхъ деревъ, кромѣ ягодъ;
изъ орѣховъ кедра бьютъ превосходное масло,
замѣняющее во всѣхъ отношеніяхъ оливковое,

а выжимка (избойна) употребляется вмѣсто миндаля. Вопрь произведенія Ленскихъ береговъ.

Письмо II.

Станція Холмтова, 7-го Мая 1830 года.

Опять на знакомой дорогѣ, но уже въ другое время года: вижу тѣ же предметы, но подѣ другою, лучшею формою, они производятъ во мнѣ другія впечатлѣнія, порождаютъ другія мысли. Мнѣ не удалось насладиться прекраснымъ видомъ, который представлялся съ Веселой горы, потому что атмосфера была наполнена дымомъ отъ горящихъ лѣсовъ. Въ ясную погоду открывался весь Иркутскъ, обведенный съ двухъ сторонъ Ангарою, а на краю горизонта вдали синѣющіе Тункинскіе снѣжные гольцы. Съ Веселой горы мы спустились къ Карлуку, бывшей заимкѣ Горновскаго, роднаго брата того самаго, коего домъ возвышается на Фоншанкѣ подѣ Измайловскаго моста, *сосѣда нашего Пиндара Державина*. Весна уже выражалась на каждомъ шагу цвѣтущими проспѣлами (*anemone patens*),

желпою фіалкою (*Viola uniflora*) и багульниковъ (*Rhododendron Dauricum*); на возвышенныхъ мѣстахъ кое-гдѣ проглядывала *Androsace Septentrionalis*. Березки распускаются, черемуха и лисивяница уже зелены. Воздухъ даже жарокъ, однако жъ на Кудинскихъ высотахъ пашни изрѣдка покрыты выходящимъ жигомъ, опъ бездождія: нынѣшняя весна хопя и довольно тепла, но слишкомъ уже суха. Вопъ еще характеръ Сибирскаго климата: въ Россіи обыкновенно весною идутъ частые непродолжительные дожди, а лѣтомъ бываетъ засуха; здѣсь, напротивъ, весною всего чаще засуха, а лѣтомъ продолжительные дожди, причиняющіе большой вредъ сѣнокосамъ. Впрочемъ довольно одного хорошаго дождя, чпобъ дать распушительную силу плодородной черноземной почвѣ. Весною обыкновенно здѣсь горятъ лѣса на большомъ пространствѣ. О прекращеніи сихъ пожаровъ очень мало заботятся; ихъ заливаетъ первый сильный дождь, или кресьяне, но въ такомъ только случаѣ, если палы (такъ называютъ здѣсь лѣсные пожары) подойдутъ къ деревнѣ. Пожары сіи испребляютъ дрова, уже нарубленные, домики на пашняхъ, покосины, мосны и проч.

Въ продолженіи паловъ атмосфера бываетъ наполнена густымъ дымомъ, сквозь которъй видно багровое солнце. Ночью картина горящихъ лѣсовъ чрезвычайна: вы видите Эпну, изрыгающую дымъ и пламя, огненную рѣку, бродящіе огни и пр. и пр.,—иллюминація великолѣпная и дешевая. Наши потомки вѣроятно, будутъ говорить: прежде у насъ выжигали лѣса! какъ говорятъ нынѣ въ Новороссіи; давно ли у насъ раздавали земли даромъ! Но когда же придетъ чередъ Сибири говорить о бывшемъ изобиліи лѣсовъ и земель? Долго еще, очень долго будутъ горѣть наши лѣса, а земля отдыхать для будущаго пипанія Сибиряковъ. Я люблю улаживать себя, можетъ быть, несбыточною мѣчтою, что могущественная Россія одними переговорами съ Китаемъ, одною оспаривкою, движеніемъ войскъ на границѣ, преклонитъ гордаго и молчаливаго нашего соседа Богдохана къ выгоднымъ для Россіи практическимъ; выведетъ изъ Китая миллионъ трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и заселитъ ими плодородную Сибирь, которая, по словамъ Карамзина, должна дать просторъ прочимъ Частямъ Свѣта, спѣшеннымъ населенностію.

Эта мечта возобновилась во мнѣ при взглядѣ съ Кудинскихъ высотъ на поля и долины, гдѣ мелькали деревни *Куда, Холмцова и Урикъ*.

Письмо III.

Станція Еловка, 8-го Мая 1830 года.

Отъ Иркутска до деревни и станціи Холмцовой 22 версты. При входѣ въ Почтовую домъ я нашелъ Смоприпеля и Волоснаго писаря, дружески попивающихъ чай. Смоприпель былъ уже навеселъ. Узнавъ, что я ѣду въ Удской оспрогъ, онъ вскричалъ: «Ахъ, сударь, вѣдь я прожилъ шамъ 15 лѣтъ! по-то было жишье: къ извѣстному времени, когда Тунгусы выходятъ съ промысловъ, бывало запасешъ ведерка два спирту; пріапелъ заведешъ къ тебѣ Тунгуса, ты ему подаешъ спаканчикъ, другой, — заусило! Вошъ Тунгусъ вынимаешъ тебѣ соболя, другаго; ты еще засыплешъ ему шѣмненькую, онъ тебѣ опашъ соболя, смопришъ, каждый спаканъ обойдется по соболю, а вѣдь, сударь, знаеше каковы Удскіе собольки, — маленькіе, а удаленькіе; я самъ

биралъ съ купцовъ за одного соболя 25 рублей.» Такъ ли шамъ нынѣ?» спросилъ я. — « Нѣтъ, сударь, говорящъ, что и Тунгусы обрусѣли; да и законъ запрещаетъ возить въ инородческія стойбища горячіе напитки. » Лошади были горшвы, я сѣлъ въ повозку, казакъ мой и ямщикъ вскочили на козлы, распворились воропа, и лихая пройка бросилась со всѣхъ ногъ. По улицамъ, скопъ едва успѣвалъ увершыващъ изъ подъ лошадей; ямщикъ подспрекалъ ихъ еще болѣе, поглядывалъ съ гордостію на народъ: эшо характеръ Сибирской ѣзды, — за шо здѣсь ямщики не поюпъ пѣсенъ, имъ нѣкогда пѣтъ, управляя пройкою на бѣгу во весь карьеръ. Разказъ Смопрителя объ Удьскомъ краѣ, не смопрѣ на безпреспанные полчки, не выходилъ изъ моей головы. Да, были эши блаженныя времена, когда казакъ, или Сынъ-Боярскій, или шорговый человекъ, дѣйсповалъ между инородцами, какъ воинъ Пизарро между Мексиканцами; разница въ томъ, что Испанецъ вырывалъ золотыя серьги изъ ушей Американки, а нашъ къ силѣ прибавлялъ нѣсколько спакановъ сивухи. — Кончились ли сіи блаженныя времена? А можетъ быть еще нѣтъ.

Между спанціями Хомуповою и Жердовкою

лежитъ большое село Оёкъ, въ немъ естъ порядочные дома, на примѣръ: крестьянина Сергѣя Новоселова, даже вывѣска сапожника. Церковь деревянная, но подлѣ нея кладется другая изъ кирпича. Послѣдняя, кажется, слишкомъ велика для села, и не ошѣ пого ли спрошится она болѣе 10 лѣтъ? Въ самомъ углу изгиба большой улицы успроенъ и кабакъ, такъ искусно, чшо видѣнъ съ обоихъ концевъ селенія. Бродящіе около него пьяные крестьяне доказывали, чшо основатель не ошибся въ расчетѣ. Въ 1828 году здѣшняя волость не имѣла за собою ни копѣйки недоимки, но теперь оной счищается нѣсколько тысячъ. Развращеніе между крестьянами усиливается съ каждымъ годомъ. Ближайшій надзоръ имѣетъ за ними Земскій Засѣдатель, которому на пространствѣ 500 верстъ поручено въ управленіе 10 т. крестьянъ. Прежнее управленіе Коммисарами было бы при нынѣшнемъ духѣ правленія полезнѣе управленія Засѣдателями въ проѣздѣ. Коммисаръ живетъ постоянно посреди крестьянъ, знаетъ ихъ всѣхъ, слѣдовательно и нужды ихъ; имѣетъ необширный округъ. При хорошемъ жалованьи онъ бы до-

рожилъ своимъ мѣспомъ. Чего бы нельзя было ожидать отъ человѣка благонамѣреннаго!

Подлѣ Еловской станціи я любовался прелестнымъ видомъ цвѣтущаго багульника: заходящее солнце было ниже горы, по которой я ѣхалъ, лучи его, закрываемые цвѣтущимъ кустарникомъ, представляли длинный пурпуровый транспарансъ по всей дорогѣ.

Письмо IV.

Станція Олзонъ, 8-го Мая 1830 года.

Еловская станція состоишь изъ одного только Почповаго двора. Здѣсь я нашелъ двухъ путешественниковъ, ѣдущихъ, какъ оказалось, по одной со мною дорогѣ. Они пили чай; ведерная фляжка спояла подлѣ нихъ съ мокрыми краями, а серебряный спаканъ, поодаль отъ чайника и чашекъ, говорилъ самъ за себя, для какого онъ употребленія. Одинъ изъ путешественниковъ, примѣтно купецъ, спокойно пилъ свой чай, не обращая на меня вниманія. Другой же, съ коропкою пирубкою въ